

МОГИЛЬНИКИ «ХАРИНСКОГО» ТИПА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ (или еще одна попытка поиска «угорского следа»)¹

Д.В. Шмуратко

Представлена очередная попытка поиска «угорского следа» в археологических культурах Приуралья. Использовав инструментарий математической статистики (иерархический кластерный анализ), автор осуществил верификацию гипотезы о наличии саргатского, зауральского культурного влияния в материалах курганных могильников харинского типа Верхнего Прикамья и Северного Приуралья. В результате статистической проверки гипотеза не получила подтверждения. Памятники харинского типа продемонстрировали стабильную близость с позднесаргатскими некрополями Южной Башкирии.

Великое переселение народов, курганы харинского типа, кластерный анализ, угры.

«Угорская проблема» — так в археологии Прикамья принято называть давний спор исследователей, суть которого сводится к решению вопроса о присутствии в археологических культурах Приуралья угорского (зауральского) культурного компонента. Данный спор имеет обширную историографию (см. работы А.М. Белавина [2003, 2007, 2009], Н.Б. Крыласовой [2007, 2012], В.А. Иванова [1999, 2007], А.Ф. Мельничука [Мельничук и др., 2009], В.В. Напольских [2007] и др.).

В силу «происхождения» и принадлежности к археологической школе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета автору работы пришлось присоединиться к данной острой дискуссии. Поскольку хронологический пласт, входящий в сферу научных интересов автора, ограничен эпохой Великого переселения народов, то именно в этих рамках были предприняты попытки поиска «угорского следа». О том, что таковой может быть, есть указания в работах О.Н. Бадера, В.А. Оборина [Бадер, Обороин, 1958], В.Ф. Генинга [1959, 1972], Р.Д. Голдиной [2003]. Так, О.Н. Бадер и В.А. Обороин подчеркивали, что угорское население составило основную массу переселенцев, пришедших в Прикамье в эпоху раннего средневековья [1958, с. 140], и что именно с этой волной миграции связано появление на Каме курганов «харинского» типа. Развивая данный тезис, В.Ф. Генинг ближайšie аналогии погребального обряда харинцев видел на юго-востоке Южного Зауралья в среде угорских племен [1959, с. 185]. Позже Р.Д. Голдина уже однозначно назвала переселенцев представителями племен саргатской археологической культуры [2003, с. 59].

Первоначально свою задачу автор видел в верификации заявленной «угорской гипотезы» инструментарием математической статистики. Было выдвинуто предположение, что если взаимосвязь между харинскими курганами и племенами саргатской культуры действительно существует, то сравнение погребального обряда указанных групп населения по массовым статистическим признакам должно позволить объективно зафиксировать эту близость и выразить ее численно. Однако расчеты, проведенные на выборке в 1815 погребений, включающей помимо харинских и саргатских древностей комплексы «местных» (мазунинская, бахмутинская, азелинская) и территориально близких (турбаслинская, позднесаргатская, именьевская) археологических культур, близости харинских комплексов к саргатским не показали. Наибольшее сходство харинские курганы в культурном плане продемонстрировали с позднесаргатскими комплексами с территории Башкирии (Дербеневские, Ахмеровские и Салиховские курганы) [Шмуратко, 2012] (рис. 1). Сама гипотеза о взаимосвязи харинских древностей с миграцией познесаргатских племен не нова. Впервые она была озвучена А.П. Смирновым [1952], а не так давно вновь актуализирована Ф.В. Овчинниковым [2004], А.Ф. Мельничуком, М.Л. Перескоковым [2009]. Математические расчеты еще раз ее доказали.

Однако в рамках обозначенного исследования из анализа совершенно выпали курганные некрополи эпохи переселения народов с территории Республики Коми, из-за чего картина, несомненно, представлялась неполной. Это обстоятельство побудило автора прислушаться к кон-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 13-11-59007 «Проблема “прародины” угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья».

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

структивной критике и расширить анализируемую выборку, включив в нее памятники с территории Республики Коми (могильники Борганъель [Ашихмина, 1985а, б; 1987; 1988б], Ювана-яг [Ашихмина, 1988а], Веслянский I [Савельева, 1962а, б; Савельева, Малышев, 1975, 1976], Вомяньяг [Ашихмина, 1990], Шойна-яг [Васкул, 1987а, б]), в результате число анализируемых погребений возросло на 119 пунктов. Знакомясь с отчетами о раскопках памятников Северного Приуралья, автор предположил, что «угорский след» может дать о себе знать именно в материалах вновь введенных в выборку памятников.

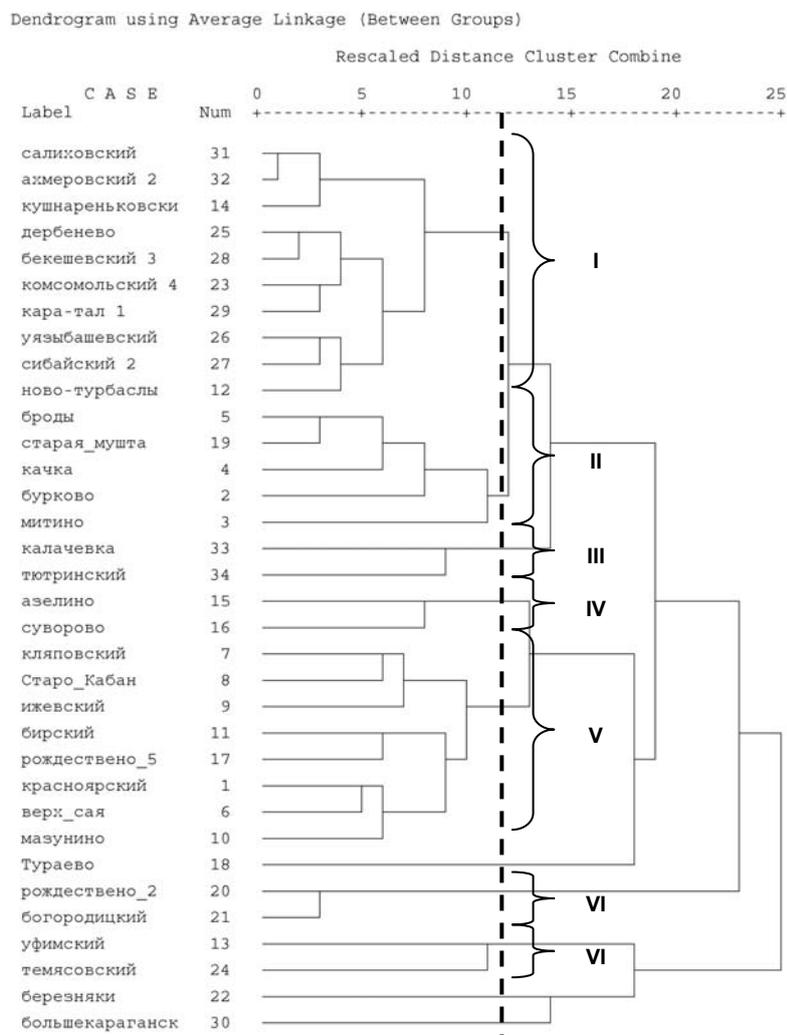

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа:

Кластеры: I — «позднесарматский»; II — «харинский»; III — «саргатский»; IV — «азелинский»; V — «постпьяноборский»; VI — «именьковский»; VII — «уфимско-темясовский»

Предположение основывалось на том, что именно в материалах северных некрополей обнаружили признаки, относимые Н.Б. Крыласовой к «угорским этномаркерам» [2007]: погребальные маски², помещение в погребения «транспорта» для умершего (саней, лодки, нарт)³. Ничего подобного в материалах «харинских» некрополей Верхней Камы зафиксировано не было. Помимо прочего, в материалах памятников Северного Приуралья была обнаружена еще одна черта, характерная для саргатских погребений и нетипичная для харинских,— остатки де-

² См. материалы могильников Борганъель, к. 15, п. 1; к. 23, п. 1; к. 24, п. 3 (северное); Веслянский I, к. 2, п. 9, 13, 14, грунтовое п. 25; Вомяньяг, к. 2, п. 1.

³ В могильнике Борганъель в к. 14, п. 2 обнаружены остатки лодки с обрезанными кормой и носом [Ашихмина, 1988б, с. 8].

ревянных надмогильных сооружений. Наличие последних на Тютринском могильнике саргатской культуры отмечают А.В. Матвеев и Н.П. Матвеева: «скорее всего надмогильные сооружения представляли собой невысокие плоские бревенчатые платформы, многоугольной в плане формы» [1985, с. 71]. Следы подобных или очень похожих «построек» можно обнаружить на курганных могильниках с территории Республики Коми. В отчете о раскопках могильника Боргангъель читаем: «зафиксированное обугленное дерево может являться остатками погребальной камеры, скорее ее перекрытия. Но возможен и другой вариант, который кажется более вероятным: отмеченное дерево является остатками какого-то надмогильного сооружения, воздвигнутого еще до насыпки кургана» [Ашихмина, 1985б, с. 8]. На могильнике Ювана-яг выявлены надмогильные конструкции, имитирующие собой жилище [Ашихмина, 1988а, с. 4]. На Вомянягском могильнике отмечено «перекрытие конструкции какого-то сооружения типа юрты» [Ашихмина, 1990, с. 21]. Обнаруженное сходство между курганными могильниками с территории Республики Коми и зауральскими некрополями наталкивает на мысль о существовании контактов между вычегодскими и зауральскими группами населения. Возможность взаимодействия племен Северного Приуралья с группами нижнеобского населения допускал еще В.Н. Чернецов [1957, с. 137]. Недавно эту мысль еще раз озвучили А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков: «следует признать, что в Северное Прикамье в период раннего средневековья проникали небольшие группы средневекового карымского и зеленогорского населения Нижнего Приобья, которые взаимодействовали с охотниками ванвиздинского и печерского кругов» [2013, с. 253].

Таким образом, перед нами встала новая задача — статистически проверить высказанную гипотезу. Однако присутствующий в базе данных «зауральский» материал был крайне скуден и представлен лишь двумя десятками поздних саргатских погребений (могильники Тютринский и Калачевка) — количеством явно недостаточным для того, чтобы провести обоснованные сравнения. Поэтому было принято решение ввести в выборку еще один, новый памятник — единственный полно исследованный некрополь эпохи Великого переселения народов с территории Зауралья — могильник Козлов Мыс, иллюстрирующий карымский этап Приобского средневековья [Матвеева, 2012]. В результате анализируемая выборка возросла еще на 83 погребения; таким образом, статистическому анализу были подвергнуты материалы 2017 погребений (40 памятников эпохи раннего средневековья).

Анализ проводился по алгоритму, предложенному коллективом исследователей, работавшим над проектом «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии» [Бородкин, Гарскова, 1994], и подробно описан автором в предыдущих работах (см. [Шмуратко, 2011]).

Появление в выборке новых данных ожидаемо вызвало естественное возмущение в характере распределения признаков. С одной стороны, существовавший ранее список пополнился четырьмя новыми позициями, такими как «перекрытие»⁴; «береста»⁵; «обувная пряжка»; «пронизка в области пояса»⁶. С другой стороны, из перечня «информативных» выпали признаки «настил, подстилка»⁷; «пряслице» (табл.). Ситуация включения/исключения признаков, вызванная вводом в выборку новых данных, говорит о том, что добавленные объекты несут в себе определенные черты индивидуальности (уникальности), настолько значимые, что их присутствие вносит коррективы в характер распределения признаков. Добавленные признаки могут быть интерпретированы как статистически наиболее типичные для вновь введенных памятников, т.е. необходимые для осуществления адекватной процедуры узнавания на общем фоне выборки. Исключенные же признаки — те, что были важны для идентификации объектов в изначальной выборке, но утратили свою актуальность во вновь сформированной вследствие потери информативности (в данном конкретном случае относительной частоты присутствия).

⁴ Признак отражает наличие в комплексе надмогильных сооружений в виде продольно или поперечно уложенных поверх могильной ямы деревянных плах.

⁵ Признак фиксирует наличие в погребении коры дерева, используемой в том числе для заворачивания умершего.

⁶ Признак отражает наличие в комплексе, как правило, металлического предмета, имеющего сквозное отверстие для нанизывания на ремешок и являющегося составным элементом пронизи, прикрепляемой к поясу.

⁷ Признак отражает наличие в комплексе следов органической подстилки или настила из веток, досок, травы и др.

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

Список признаков с указанием коэффициента энтропии*

№	До введения новых данных		После введения новых данных	
	Признак	Коэф. энтропии	Признак	Коэф. энтропии
1	Наличие курганной насыпи	0,97	Наличие курганной насыпи	0,98
Ориентировка умершего в погребении				
2	С	0,54	С	0,56
3	ССВ	0,32	ССВ	0,30
4	СВ	0,32	СВ	0,31
5	В	0,40	В	0,37
6	Ю	0,28	Ю	0,27
7	ЮЮЗ	0,21	ЮЮЗ	0,21
8	ЮЗ	0,21	ЮЗ	0,21
9	З	0,37	З	0,41
10	ЗСЗ	0,41	ЗСЗ	0,43
11	СЗ	0,61	СЗ	0,60
12	ССЗ	0,29	ССЗ	0,28
Размеры погребальной ямы				
13	Малая	0,62	Малая	0,60
14	Средняя	0,99	Средняя	0,98
15	Большая	0,44	Большая	0,44
Глубина погребальной ямы				
16	Неглубокая	0,75	Неглубокая	0,77
17	Средняя	0,64	Средняя	0,60
Внутримогильные и надмогильные сооружения				
18	Ниша	0,21	Ниша	0,20
19	Настил, подстилка	0,21	Настил, подстилка	0,19
20	Перекрытие	0,17	Перекрытие	0,20
21	Сруб	0,20	Сруб	0,22
22	Гробовище	0,33	Гробовище	0,37
Поза умершего				
23	Вытянут на спине	0,89	Вытянут на спине	0,87
Следы обрядовых действий				
24	Береста	0,18	Береста	0,27
25	Угли (огонь)	0,48	Угли (огонь)	0,54
26	Кости животных	0,50	Кости животных	0,47
27	Кремация	0,42	Кремация	0,40
28	Жертвенный комплекс	0,34	Жертвенный комплекс	0,34
Состав жертвенного комплекса				
29	Височное кольцо	0,24	Височное кольцо	0,23
30	Бусы	0,27	Бусы	0,27
Сосуды				
31	Керамический сосуд	0,67	Керамический сосуд	0,69
32	Фрагменты керамики	0,45	Фрагменты керамики	0,46
Элементы костюма				
33	Поясная пряжка	0,89	Поясная пряжка	0,89
34	Обувная пряжка	0,17	Обувная пряжка	0,22
35	Наконечник ремня	0,55	Наконечник ремня	0,53
36	Накладка	0,57	Накладка	0,57
37	Пронизка в области пояса	0,19	Пронизка в области пояса	0,20
38	Подвеска в области груди	0,34	Подвеска в области груди	0,32
39	Височное кольцо	0,36	Височное кольцо	0,35
40	Браслет	0,30	Браслет	0,30
41	Гривна	0,20	Гривна	0,22
42	Перстень	0,21	Перстень	0,20
43	Стеклянные бусы	0,79	Стеклянные бусы	0,77
44	Янтарные бусы	0,20	Янтарь	0,20
45	фибула	0,23	фибула	0,21
46	Бляшка	0,29	Бляшка	0,28
Оружие				
47	Наконечник стрелы	0,38	Наконечник стрелы	0,36
48	Наконечник копья	0,27	Наконечник копья	0,25
49	Топор	0,23	Топор	0,21
Упряжь				
50	Удила	0,32	Удила	0,30
Бытовые орудия труда				
51	Нож	0,90	Нож	0,91
52	Пряслице	0,20	Пряслице	0,18

* Признак считается информативным, если его коэффициент энтропии больше или равен 0,20 [Мошкова, 2009, с. 100].

Д.В. Шмуратко

Dendrogram using Average Linkage (Between Groups)

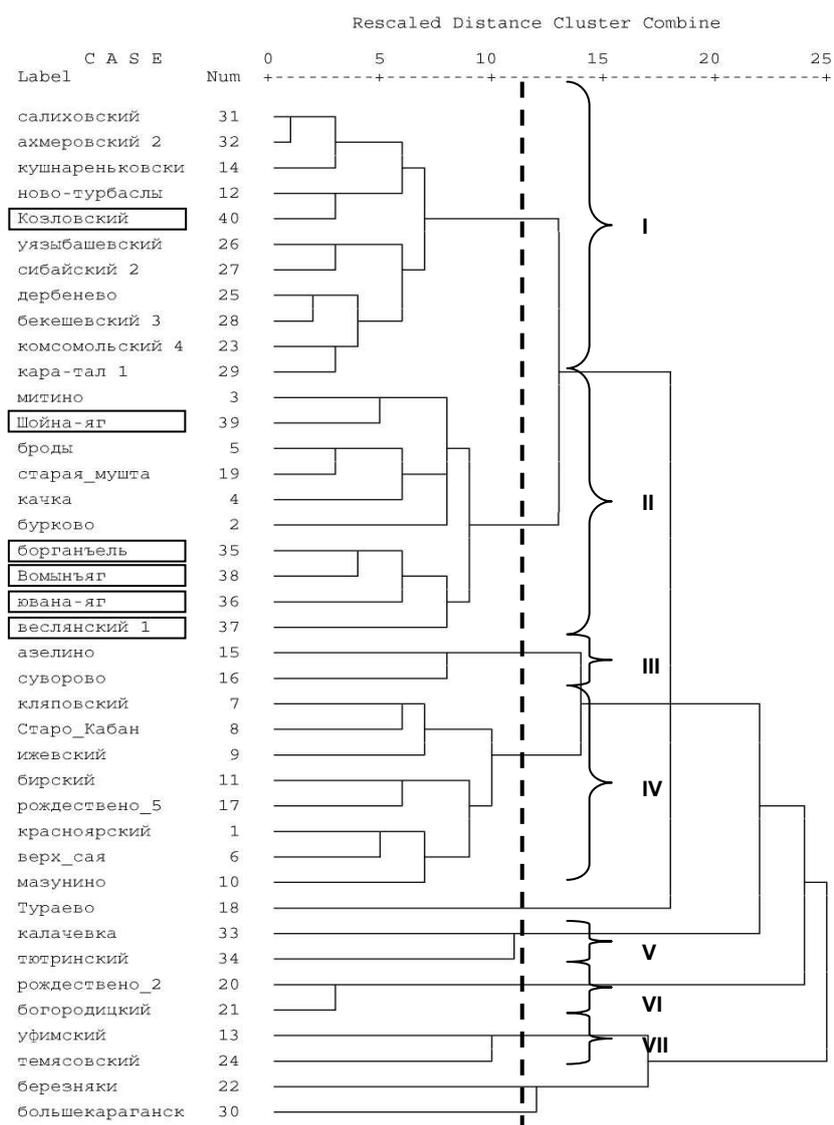

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа:
 Кластеры: I — «позднесарматский»; II — «харинский»; III — «азелинский»; IV — «постпьяноборский»;
 V — «саргатский»; VI — «именьковский»; VII — «уфимско-темясовский»

По результатам кластерного анализа рассматриваемая выборка была разбита на 7 кластеров (рис. 2):

I — «позднесарматский»: могильники Салиховский, Ахмеровский II, Кушнареньковский, Ново-Турбаслинский, *Козловский*, Уязыбашевский, Сибайский II, Дербенево, Бекешевский III, Комсомольский IV, Кара-Тал.

II — «харинский»: Митинский, *Шойна-яг*, Бродовский, Старо-Муштинский, Качкинский, Бурковский, *Борганъель*, *Вомынъяг*, *Ювана-яг*, *Веслянский I*.

III — «азелинский»: Азелино и Суворово.

IV — «постпьяноборский»: Кляповский, Старо-Кабановский, Ижевский, Бирский, Рождественский V, Красноярский, Верх-Саинский, Мазунинский.

V — «саргатский»: Калачевка, Тютринский.

VI — «именьковский»: Рождественский II, Богородицкий.

VII — «уфимско-темясовский»: Уфимский, Темясовский.

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

В целом, как видно, первоначальная схема не претерпела принципиальных изменений, подобная ее устойчивость лишь раз свидетельствует, что изначальный вектор построения был выбран верно.

Курганные могильники с территории Северного Прикамья вошли в один кластер с верхнекамскими памятниками «харинского» типа, что, несомненно, свидетельствует об общем культурном поле, объединяющем погребальные традиции Северного и Верхнего Прикамья. При этом важно отметить, что северные могильники образовали внутри харинского кластера самостоятельную группу (Борганъель, Вомянъяг, Ювана-яг, Веслянский I); подобное их расположение на дендрограмме позволяет говорить, что северные курганы очень близки, но не тождественны верхнекамским. В принципе, подобное прочтение курганов с территории Республики Коми на данный момент общепринято в археологической науке и не вызывает серьезных возражений.

Что касается могильника Козлов Мыс, как ни странно, не обнаружилось близости его к саргатским некрополям, он вошел в общий «позднесарматский» кластер, продемонстрировав высокое типологическое сходство с Ново-Турбаслинским могильником (в данном случае мы, видимо, должны говорить о сходстве с наиболее ранними ново-турбаслинскими погребениями). Обращают на себя внимание орнаментация и формы керамических сосудов из Козлова Мыса и Ново-Турбаслинского могильника, которые действительно сходны, в коллекциях обоих памятников представлены сосуды «кушнаренковского типа», чье зауральское (угорское) происхождение также не вызывает сомнений у исследователей. К сожалению, положение могильника Козлов Мыс на дендрограмме не позволяет говорить ни о его близости с памятниками Республики Коми, ни о сходстве с саргатскими древностями.

Таким образом, версия о возможном проникновении в Северное Прикамье зауральского населения не получила статистического подтверждения на материалах выборки. Курганы с территории Республики Коми продемонстрировали близость с харинскими некрополями Прикамья, сформировав при этом внутри «харинского» кластера локальную группу. Сам же «харинский» кластер, как и прежде, близок к «позднесарматскому». Попытка отыскать «угорский след» на Севере Прикамья, увы, не увенчалась успехом. Однако отрицательный результат — окончательный приговор и, возможно, вызван отсутствием в выборке «эталонного» угорского материала; не исключено, что более скрупулезный поиск материала для сравнения позволит в дальнейшем скорректировать выводы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского археологического отряда в 1984 году. Сыктывкар, 1985а // Архив ИА РАН. Р-1 10589.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1985 году. Сыктывкар, 1985б // Архив ИА РАН. Р-1 10806.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1986 году. Сыктывкар, 1987 // Архив ИА РАН. Р-1 11550.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г., Сыктывкар 1988а // Архив ИА РАН. Р-1 12236.
- Ашихмина Л.И.* Погребальный обряд курганного могильника Борганъель. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1988б.
- Ашихмина Л.И.* Отчет о полевых исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1990 г. Сыктывкар, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1 26530.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.
- Белавин А.М.* Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Приуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. С. 143–147.
- Белавин А.М.* Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени // Пермские финны: Археологические культуры и этносы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 8–12.
- Белавин А.М.* Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2009. Вып. VI. С. 7–16.
- Бородкин Л.И., Гарскова И.М.* Методика анализа многомерных иерархических данных // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: ИА РАН, 1994. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). С. 87–126.
- Васкул И.О.* Курганное погребение эпохи переселения народов у с. Иб в Коми АССР // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: УдГУ, 1987а.

Д.В. Шмуратко

- Васкул И.О. Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда 1986 г. Сыктывкар, 1987б // Архив ИА РАН. Р-1 12131.
- Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. 1959. № 2. С. 182–219.
- Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (Проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
- Голдина Р.Д. Миграции угров в Европу в I тыс. н.э. // Угры. Тобольск: Тобольск-Нефтехим, 2003. С. 57–63.
- Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
- Иванов В.А. Проблема участия угров в формировании этнической карты Прикамья и Приуралья в I тыс. н.э. // XVII Урал. археол. совещ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 245–247.
- Крыласова Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: Археологические культуры и этносы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 166–172.
- Крыласова Н.Б. Об «угорской эпохе Прикамья» говорить нужно // Вестн. Удм. ун-та. Ижевск: УдГУ, 2012. Вып. 1: История и филология. С. 168–175.
- Матвеев А.В. Матвеева Н.П. Саргатский могильник у д. Тютрина // КСИА. М.: Наука, 1985. Вып. 184. С. 69–76.
- Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: ТюмГУ, 2012. 178 с.
- Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент — этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2009. Вып. VI. С. 109–118.
- Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Бродовские (харинские) погребальные комплексы в Среднем Приуралье — результат экспансии западных саргатских общин? // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Из-во ЮУрГУ, 2009. С. 142–145.
- Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Средневековая керамика нижнеобского облика на памятниках Северного Прикамья // Вестн. ТГУ. История. № 3 (23). 2013. С. 249–253.
- Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: ИА РАН, 2009. Вып. IV: Позднесарматская культура. С. 21–162.
- Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Урал. археол. совещ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 41–42.
- Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры: (К вопросу об истоках культуры харинского типа) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 2004. Вып. 17 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Ovchinnikov/harino.html>.
- Савельева Э.А. Научный отчет Вымского археологического отряда за 1962. Сыктывкар, 1962а // Архив ИА РАН. Р-1 2473.
- Савельева Э.А. Научный отчет о результатах работ 1961 года Вымского археологического отряда. Сыктывкар, 1962б // Архив ИА РАН. Р-1 2315.
- Савельева Э.А., Малышев Н.П. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1974 году: Отчет об археологических исследованиях Вымского отряда в 1974 г. Сыктывкар. 1975 // Архив ИА РАН. Р-1 5825.
- Савельева Э.А., Малышев Н.П. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1975 году. Сыктывкар, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1 5859.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М., 1957. № 58. С. 136–245.
- Шмуратко Д.В. Территория Среднего Прикамья в раннем средневековье: (Статистический анализ погребальных комплексов) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. 2011. С. 209–218.
- Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов: (Статистический анализ погребальных комплексов): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 232 с.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
dshmuratko@mail.ru

The article represents another attempt to search the «Ugrian trace» in archaeological cultures of Priuralye. Using instruments of mathematical statistics (hierarchical cluster analysis), the author undertook verification of a hypothesis on the availability of Sargatka and Trans-Urals cultural influence in materials of mound burials of Kharinsky type in the Upper Prikamye and North Priuralye. According to results of statistic checking, the hypothesis did not get its confirmation. The sites of Kharinsky type demonstrated stable proximity to late Sarmatian necropolises from South Bashkiria.

The Great migration, mounds of Kharinsky type, cluster analysis, Ugrians.